

МАРИЯ ПОКУСАЕВА

ЧЕРНАЯ НЕВЕСТА

роман

МИОО

I

Маргаритки

Флоренс не любила общаться с дядюшкой.

Тем более — в его кабинете.

За завтраком можно было сделать вид, что овсянка и сэндвичи с джемом требуют от тебя сосредоточенности (леди не говорят с набитым ртом), вечером — уйти к себе из гостиной (у леди может заболеть голова от тяжелых запахов, а кузен Бенджи в последнее время очень любил удовое дерево и сандал). Но кабинет, кабинет — это совсем другое. В кабинете говорят о важных вещах, а каждый раз, когда дядюшка говорил с Флоренс о важных вещах, это заканчивалось головной болью уже невыдуманной.

Восемь ступеней вверх, в башенку, по узкой лестнице, освещенной магическими светильниками. Стук в дверь — сердце падало куда-то к желудку, желудок, казалось, подкатывал к горлу. Интересная анатомическая реакция — Флоренс знала, что это лишь глупые метафоры, но именно они лучше всего описывали то, что она чувствовала, толкая тяжелую дубовую дверь.

В кабинете дядюшки всегда было чисто и пахло хвоей, табаком и бренди. И неприятностями. Сегодня там пахло еще и ладаном — как всегда, когда приходил отец

Сэмюэль. Черная сутана делала его похожим на злого, нахохлившегося от холода ворона с по-лисьему хитрым взглядом, и приносил он обычно недобрые вести. И письма тоже недобрые, те, которые Флоренс предпочла бы не читать.

А вот дядюшка читать их любил — вслух, с выражением. Он обладал глубоким бархатным голосом и владел им не хуже иного актера. Флоренс знала, какие острые иглы могут прятаться в этом бархате.

— Мы ждали тебя, дорогая. — Дядюшка указал ей на кресло.

Сам он сидел за письменным столом — и, как ни странно, сегодня перед ним не было бежевого конверта, лишь графин с лимонадом и хрустальный бокал. В графине плавали зачарованные металлические кубики. Они не позволяли льду таять даже в такую жару, как сегодня, так что лимонад был холодным, а стекло — запотевшим.

Отец Сэмюэль стоял у окна, заложив руки за спину. Когда Флоренс вошла, он обернулся и одарил ее лучшей из своих улыбок, предназначенных для добродетельных девиц. Девицам, в чьей добродетели он сомневался, отец Сэмюэль улыбался иначе — скорбно, словно мысли о розгах и публичном порицании причиняли боль ему самому.

— Здравствуй, дитя, — сказал он и протянул руку.

Флоренс подошла ближе, поклонилась, коснувшись губами серебряного перстня на пальце священника, и лишь потом села в кресло. На самый краешек, положив руки на колени и выпрямив спину.

От запаха ладана мутило.

— Доброго дня, отец Сэмюэль, — сказала Флоренс. — Доброго дня, дядюшка Оливер.

Дядюшка кивнул. Они не спешили ей что-то говорить, и Флоренс заволновалась.

— Что-то с матушкой?

Отец Сэмюэль совершенно не по сану хохотнул.

— Похвально стремление дочери узнать, все ли хорошо с матерью ее, но нет, дорогая Флоренс. — Он сел в кресло напротив. — Сегодня речь пойдет не о ней.

Кресло словно бы вздохнуло, поскольку тело отца Сэмюэля больше подходило не священнику, а грузчику в доках — так говорил кузен Бенджи, сама Флоренс ни в каких доках, конечно, никогда не бывала.

Тишина повисла такая, что до Флоренс донеслось хрипловатое дыхание отца Сэмюэля. Ему было душно: стояло начало лета, но погода решила пошалить, и жара нарастала. Худенькой Флоренс с волосами, забранными наверх, и в легком платье — нежный сатин цвета сливок, воздушная вышивка на коротких рукавах — было душновато, но терпимо, а вот отцу Сэмюэлю наверняка приходилось тяжело. Делиться с ним лимонадом дядюшка Оливер не спешил.

— Осенью тебе исполнится восемнадцать, Флоренс. — Дядюшка говорил ласково и спокойно.

— Да, это так, сэр, — отозвалась она и потупила взгляд.

Светлый ковер под ногами сиял чистотой — горничные вымывали его каждый вечер, так что утром в кабине пахло лимонным мылом. Флоренс посмотрела на свои атласные туфельки и свела стопы вместе, носок к носку, пятка к пятке.

— Десять лет я воспитывал тебя, как родную дочь, — продолжил дядюшка Оливер тем же тоном. Почти торжественным. — Оплачивал твои наряды, твою учебу

в пансионе, который, к сожалению, разочаровал нас всех...

Отец Сэмюэль кашлянул, потому что при разговоре о пансионе Оливер Силбер терял всю уверенность и спокойствие.

— Твои книги и еду на твоей тарелке, — закончил дядюшка.

Его холодные серые глаза потемнели. Силберы все были такими, холодными, как ледышки, только Флоренс получила от отца другую масть: матушка говорила, что ее волосы похожи на красное золото, тусклое от старости, но драгоценное. А глаза как бренди, шутил отец, и они все смеялись. Дядюшка Оливер смеяться не любил, делал это неохотно и редко.

— Я благодарна вам, дядя. — Флоренс снова опустила взгляд на ковер.

Однажды, давно, ей пришлось вычистить его: чудодейственное лимонное средство от грязных пятен щипало, когда попадало на царапины. Царапины были от осколков: маленькая Флоренс, дочь незадачливого растяпы-художника и взбалмошной Аделины Силбер, позора семейства, так не хотела слушаться мудрого дядюшку, что с яростью бросила на пол хрустальный стакан с бренди. Дядюшка Оливер тогда был искренне удивлен. Очень удивлен — и очень зол, после этого он пообещал племяннице, что еще одна такая выходка — и она отправится в обитель Святой Гертруды, где от таких выходок лечили ваннами с холодным льдом, ментальными чарами, от которых болела голова, и кровопусканием.

Это был единственный раз, когда дядя заставил Флоренс делать черную работу.

Но Флоренс больше не кидала ни в стены, ни об пол ничего, что могло бы расплескаться или разбиться, не из страха перед наказанием. Служанок было жалко — им же все убирать.

— Но ты понимаешь, Флоренс, что у меня есть собственные дочери, — продолжил дядюшка после недолгой заминки.

Слова давались ему не без труда, он подбирал их тщательно, словно готовясь сообщить что-то неприятное. Флоренс не могла припомнить такой заботы с его стороны: дядюшка всегда был прям, как удар шпаги, и так же безжалостен. Ко всем, исключая, пожалуй, тех, у кого было побольше власти и денег, чем у него.

— И я должен позаботиться о их будущем. Ты понимаешь, к чему я веду?

Флоренс посмотрела на породистое дядюшкино лицо и растерянно моргнула. Она догадывалась. Но догадываться — это не знать, а дядюшка предпочитал четкие ответы. Даже если сама формулировка четкости не предполагала. И не примут ли прямой ответ за дерзость?

— К сожалению, дядюшка, я не понимаю, к чему вы ведете, — покорно сказала Флоренс.

Дядя Оливер скривился.

— Ваш дядюшка, мисс Голдфинч, пытается сказать о том, что приходит время выбирать свою судьбу, — пробормотал отец Сэмюэль. — Но его волнение перед этим столь велико, что он идет окольными путями. У благонаправной девицы, мисс Голдфинч, не обладающей ни высоким положением в обществе, ни богатым наследством, есть два пути: путь покорности и путь замужества. Стать невестой Бога или невестой человека, согласившегося взять ее в свою семью и заботиться.

Флоренс поняла и похолодела.

— А третий? — вырвалось у нее.

— Я не буду содержать тебя до старости, — холодно произнес дядя Оливер. — И даже не мечтай о том, чтобы работать, я не позволю тебе позорить нашу семью еще больше!

Последнее он почти выкрикнул: заметил, как Флоренс дернулась, собираясь возразить. Она испуганно застухла и шмыгнула носом.

— Тише, сын мой, — сказал отец Сэмюэль так спокойно, словно перед ним был не один из самых богатых людей города, а расстроенный мальчишка. — Гневливость — это грех.

Дядя Оливер налил в стакан лимонад и осушил его тремя мощными глотками. Самообладание возвращалось к нему.

— Ты хорошенькая девица, Флоренс, — сказал он. — И умненькая, просто от своей матери унаследовала слишком горячий нрав. И твои мысли, кажется, не испорчены романтической ерундой об истинной любви, так что нам с тобой будет просто. Я дам за тебя приданое.

Он сказал это так, будто пообещал ей корону или место в Сенате, хотя Флоренс отлично знала, что имеет на приданое такое же право, как и родные дочери Оливера Силбера: скромное наследство ее матери лежало в банке и ждало, когда Флоренс достигнет восемнадцати. В самых смелых мечтах Флоренс эти деньги становились ее билетом в большой мир, а не приданым.

— Спасибо, дядюшка, — сказала Флоренс.

Она понимала, что мечты о большом мире и независимости очень смелы — слишком смелы, — но в носу защипало. Дядюшка непрозрачно намекнул, что деньги

Флоренс увидит только в случае, если выберет одну дорогу из двух предложенных. Ту, на которой ее ждали кольцо, фата и муж. А если Флоренс решит пойти путем покорности, то есть отправится в монастырь, в котором сейчас живет ее матушка, деньги перейдут монастырю.

Будь дядюшка Оливер более... душевным, любящим, внимательным? Открытым новому? Будь он более мягок, возможно, он бы отпустил ее. Флоренс помнила женщин, приходивших в дом ее отца: некоторые даже были замужем, но оставались вольными и принадлежали в первую очередь самим себе.

Такое в семье Силберов даже представить не могли!

— Твоя мать, Флоренс, доставила нашей семье немало неудобств, — сказал дядя Оливер. Он смотрел очень пристально, отчего вдруг стало неуютно. — Ее брак был ошибкой, а я не хочу повторения этой ошибки, поэтому сам выберу тебе достойного мужа. Того, кто не запятнает нашу честь.

Флоренс не сразу поняла, что он имел в виду. Конечно, договорные браки не были редкостью, да и сам брак нес скорее прагматический, чем романтический смысл. Флоренс слышала, как ее сестры обсуждают балы и приемы, прогулки в парках и письма от кавалеров. За самой Флоренс никто не ухаживал, потому что дядюшка прятал ее от света. Не намеренно, не запирая в комнатах, когда приходили гости, просто Флоренс воспитывалась в пансионе и в доме дяди появлялась нечасто. В ее жизни было мало праздничных вечеров и совсем не было балов, а болтовне и сплетням она предпочитала книги. После возвращения к дядюшке жизнь Флоренс не слишком изменилась — для этого прошло недостаточно времени.

